

* * *

Крепки родословные корни,
вобравшие силу веков, —
живёт во мне пахарь и шорник,
рыбак из обских рыбаков.

И я, ощущая как дышит
река, победившая льды,
свою родословную слышу
из уст молчаливой воды.

* * *

Дед корчевал. Хрустела вага.
Жевало пламя корни пней.
Из родника струилась влага,
и бабка бегала за ней.

Работа шла. Разгоряченный
дед воду пил, суров и строг, —
Работал, словно обреченный,
себя в пылу работы жег.

Корней тяжелые охапки
бросал в смолистые костры,
и молча собирала бабка
остатки содранной коры.

Зачем рвать жилы, если скоро
идти в колхозную артель?
Но дед, не ведая укоров,
на поле будущем потел.

А за увалом праздник лапал
ядренный воздух тишины.
Дед корчевал и молча плакал,
как виноватый без вины.

* * *

Торчат шпангоуты, как рёбра.
Но лодку ладно мастера,
вдыхаю весело и бодро
смолистый запах янтаря.

Тесины тонкие упруги.
На днище плаха хороша.
И понимают дело руки,
и делом светится душа.

Вбиваю кованые гвозди.
Гляжу на ровные борта.
И красота, какую создал,
уже не просто красота –

Она сама теперь способна
творить и радовать творца, –
И похвала отца особа –
ведь это похвала отца.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Крыльцо пятистенного дома.
Играющий в дождь водосток.
Ограды рябиновый омут
и мамин цветастый платок.

Заплакала. Слезы утёрла.
Прижалась ко мне, чуть жива.
Стою. Перехвачено горло,
и молча глотаю слова.

А мама уже суетится,
парное несёт молоко –
и локти, как крылышки птицы,
торчат неуклюже с боков...

Пахнуло колбою и лесом,
знакомым забытым теплом.
Я пью – и медвяное лето
бежит по траве босиком.

К реке, что нас в детстве качала,
как мама, но только без слов, —
Здесь с малой любви начиналась
к России большая любовь.

* * *

Тихо, тихо за окном.
Спит вселенная тревожно.
Осторожно дышит дом.
Дышит время осторожно.

Осторожная луна
пробирается сквозь годы.
Осторожно спит страна.
Осторожно спят народы.

Но тревогою полны,
замирают в парке липы,
и сквозь сумрак тишины
льются лип глухие всхлипы.

И вселенная во мгле
вздрагнет вдруг, зевая сонно...
Тихо, тихо на Земле,
как в душе моей, бездонно.

* * *

Пахнут жёлтою смолою
плах ряды и свежий брус.
Если пилят, значит, строят, —
обустривают Русь.

Значит, жизнь пускает корни.
Значит, делу в рост пора.
Снова вздыбленные кони
под потомками Петра.

Снова против супостата
люди встаёт стеной тесней, —
всё, что дорого и свято,
Русь хранит в глубинах дней.

Топоры века стучали...
Лет скрипели сапоги...
Русь хранит утрат печали.
Помнит Русь побед шаги.

* * *

Горе ты моё, горюшко.
Счастье ты моё жаркое.
И укрыла ночь полюшко,
и зажглась звезда яркая.

Ветер надо мной – кружится.
Ветер над тобой – нежится.
И плетёт зима кружева,
чтоб утихла боль снежная.

Пусть уснёт в ночи полюшко.
Пусть горит звезда яркая.
Горе ты моё, горюшко.
Счастье ты моё жаркое.

* * *

Не поздно вернуться к земле,
к извечным, глубинным истокам,
где ел я родительский хлеб
и слушал дыханье осоки.

Где, в пламя кладя сухостой,
вникал я в былое и небыль,
и пах, просыпаясь, простор
созвездьями летнего неба.

Где солнце как рыба искрясь,
всплывало в сетях краснотала, –
И крепкую, кровную связь
с землёю душа обретала.

*Томские писатели поздравляют Александра Панова с 60-летием,
желают крепкого здоровья и творческих успехов.*